

И.Н.РУЖИНСКАЯ

Ф.А.ГУЧКОВ В ПЕТРОЗАВОДСКОЙ ССЫЛКЕ

Многолетняя история старообрядчества явила потомкам целую плеяду ярчайших личностей, судьба которых стала настоящим духовным подвигом. Жизненный путь Фёдора Алексеевича Гучкова (1776—1856), московского купца 2-й гильдии, основателя целой предпринимательской династии, попечителя Преображенского кладбища — достойное тому подтверждение. Аспекты его торгово-промышленной, благотворительной, общественной деятельности сегодня известны гораздо лучше, чем последние годы жизни, пришедшиеся на петрозаводскую ссылку 1854—1856 гг. Восполнить этот пробел возможно благодаря найденной группе документов из фонда Олонецкого губернатора, хранящейся в Национальном архиве Республики Карелия.

Вся жизнь Ф.А.Гучкова — это постоянная молитва к Богу: в каждодневном труде, в радении об интересах общины, в помощи нуждающемуся, в занятии любимым садоводством. Именно Господа благодарил он в радости и просил укрепить духовно в минуты скорби, когда в 1812 г. погибла с таким трудом созданная фабрика, когда пришлось столкнуться с полицейским произволом Московского губернатора Закревского. Но самые тяжёлые испытания начались именно тогда, когда в борьбе со старообрядчеством николаевский режим начинает планомерно уничтожать столичные центры “старой веры”, Выгоретию, ссылая их руководителей под надзор властей на окраину империи, менее же крепких верой — принимать если не официальное православие, то хотя бы единоверие. Поэтому 1853 и 1854 гг. тогда поставили многих старообрядцев, в том числе и Гучкова, перед трудным выбором. Чем пожертвовать: общественным положением, предпринимательской деятельностью, достатком или “верой отцов”? Как активно и авторитетного руководителя старообрядческой общины Преображенского кладбища Фёдора Алексеевича арестовывают и 2

месяца осени 1853 г. держат в секретной тюрьме, угрожая, вынуждая, смириться. Но живущий молитвами “истинной веры” 78-летний старик предпочёл ссылку православию Николая I: “Если вы ищите на нас вины, то мы противу закона невинны, а если хотите нас бессудно задавить, то давите”. По мнению властей, “Гучков оказался “закоренелым раскольников”, вследствие чего последовавший указ Его императорского величества первых чисел января 1854 г. повелевал сослать старообрядца в г.Петрозаводск под надзор местных властей. В секретном распоряжении министра внутренних дел Д.Г.Бибикова Олонецкому губернатору В.Н.Муравьёву от 18 января 1854 г. №72 было соответственно сказано: “ ссылается в город Петрозаводск под строгий надзор местной полиции известный закоренелый и вредный раскольник, бывший одним из старшин на Преображенском раскольниковьем кладбище, купец 2-й гильдии Ф.Гучков, 78 лет от роду” (1). До места ссылки сопровождать его “под благонадёжным присмотром” будут московские жандармы — унтер-офицер П.Харитонов и рядовой Е.Анасов. О результатах надзора за Гучковым губернатору надлежало сообщать каждые 3 месяца лично министру внутренних дел.

К моменту приезда старообрядца в Петрозаводск город, хотя и являвшийся губернской и епархиальной столицей, был типично провинциальным. Но от остальных городов губернии — Олонца, Лодейного поля, Вытегры, Каргополя, Пудожя и Повенца — его отличал ряд особенностей:

1. Петрозаводск был самым многонаселённым городом губернии, так как, имея 9165 обитателей, он составлял 53% от всех горожан губернии (2).

2. Жители Петрозаводска в социальном плане были преимущественно мастеровой люд Александровского пушечного завода, а также мещанство и купечество, занятые торговлей, судоходством, извозом, “подрядными работами”.

3. Суровые условия жизни определили своеобразный статус города и края в целом как “подстоличной Сибири”, то есть места ссылки неугодных лиц. Из 194 лиц, находящихся в подобном положении в губернии к 1856 г., 82 были в городах, из них 36,6% — в Петрозаводске (3).

4. Олонецкая губерния в целом и Петрозаводск в частности имели давние традиции старообрядчества. И хотя репрессии вла-

стей особенно отразились на обитателях Выга и старообрядцах городов, но к приезду Гучкова из 104 горожан-старообрядцев (в основном женщин старшего возраста даниловского согласия), 21 человек (20,2%) приходилось на Петрозаводск (4). 19 из них принадлежали даниловскому согласию (каждый пятый даниловец – горожанин), а 2 – филипповскому согласию (каждый десятый филипповец – горожанин); 55,6% старообрядцев Петрозаводска – женщины. Среди купеческого сословия – это состоятельные купцы Фигурин, П.Архаутов, П.Нестерова, сёстры Климовы; среди мастеровых завода – Т.Кожин, Г.Суханов. Были и свои “требоисправители” – мещанки Е.Симонова, Е.Фёдорова, Е.Беззубикова.

5. Как столица епархии и губернии, Петрозаводск был средоточием духовных и светских властей, что предопределило пристальное внимание к Ф.А.Гучкову на протяжении всей его ссылки.

О его предстоящем приезде официальные власти были оповещены заблаговременно. Поэтому, когда к обеду 2 февраля 1854 г. экипаж со ссылкой въехал в город, Гучков сразу же был доставлен в губернское правление. Губернатор лично осмотрел вещи Фёдора Алексеевича, но “как не заключающие в себе ничего вредного, они были возвращены Гучкову” (5). А вот из имеющихся при ссылке денег (92 руб. серебром) ему вернули лишь 32 руб., оставив остальные в полиции по распоряжению губернатора, чтобы “выдавать из оных Гучкову по мере действительной надобности на его содержание для устранения ему возможности посредством лишних денег склонять посторонних лиц в свою сторону” (6). Сам же приезд известного московского старообрядца в “неблагонадёжный в плане раскола” край весьма серьёзно озаботил губернатора В.Н.Муравьёва. Раздражение по этому поводу не скрывается им даже в отчёте министру внутренних дел: “Я полагал бы весьма полезным воспретить раскольникам как Преображенского, так и Рогожского кладбищ не только не прибывать в Петрозаводск для свиданий с Гучковым, но и входить в какие-либо с ним сношения.” (7). Особенно сильно обеспокоен Муравьёв тем влиянием, которое может оказать пребывание Гучкова на местных старообрядцев: “здешние раскольники Даниловских и Лексинских селений находятся в тесных связях с упомянутыми московскими раскольниками, а под видом свиданий с Гучковым, хотя бы самых близких его родственников, все эти лица будут

иметь случай соединиться со здешними раскольниками” (8). Состоявшаяся сразу же личная беседа губернатора со ссылкой на заставила Муравьёва усомниться в вероятности “исправления” Гучкова, столь сильна оказалась твёрдость духа Фёдора Алексеевича в истинности “веры отцов”: “Гучков есть великая зараза для раскола” (9). Уже вечером того же дня, после допроса, к ссылке прибыли двое людей — М.Амосов, шестидесятисемилетний московский мещанин и Л.Васильев, тридцатидесятилетний крестьянин Московской губернии. Всю дорогу от Москвы до Петрозаводска они за Гучковым в отдельном экипаже, имея свидания с ним на каждой станции до Святозера. В Петрозаводск же въехали в разное время, привезя на квартиру ссылочного крупы, мёд, варенье, изюм, старообрядческое погребальное одеяние, книги, напечатанные в Москве в 1767 г. Но их приезд не остался незамеченным — почти сразу же к Гучкову нагрянула полиция. В квартире Гучкова устраивается обыск, а Васильева с Амосовым арестовывают. Допрос их показал, что оба они “находились в услужении у московского купца Гучкова”, проживали при Преображенском кладбище и в Петрозаводск отправились по просьбе детей Гучкова — Ивана и Ефима, для сопровождения по его болезненному состоянию и чтобы известить детей его в случае каких-либо с ним несчастий по преклонности его лет”, “с целью оставаться здесь при Гучкове” (10). Хотя подорожные и паспорта обоих были в порядке, но “они могли быть здесь весьма вредны”, поэтому губернатор держит Амосова с Васильевым под арестом и ждёт указания МВД. Бибилов 12 февраля 1854 г. уведомляет Муравьёва: “Надзор за Гучковым должен быть направлен преимущественно к тому, чтобы он своим влиянием не мог действовать на поддержание других каких-либо сборищ раскольников” (11). Что же касается до Амосова и Васильева, то “этим людям дозволено начальником в Москве проводить Гучкова из снисхождения к ходатайству сыновей Гучкова” (12). Поэтому Амосову дозволяется оставаться при Фёдоре Алексеевиче, установив надзор полиции, а Васильева, как числящегося по документам православным, возвращают в Москву.

Так, благодаря сыновним хлопотам, удалось немного облегчить отцу тяжесть ссылки, хотя судьба самих сыновей, оставшихся в Москве и принявших единоверие, не могла не волновать Гучкова.

Так начался отсчёт 1060 последних дней жизни ссыльного старообрядца. Рядом с ним в городе под надзором полиции находились ещё 29 человек, но только трое из них принадлежали к миру старообрядчества: помимо Васильева, это был М.Малков, почётный гражданин 75 лет, прибывший за год до Гучкова, и Т.Кожин, местный семидесятитилетний бывший мастеровой. Остальные ссыльные были людьми совершенно иными, в 43,3% случаев попавшими сюда за воровство" (13).

Во дворе купца Фигурина для Гучкова был построен небольшой домик, куда, по досмотру протоиерея Ф.Рождественского, часто ходил П.Архаутов, старик 75 лет, "известный строгостью жизни и расположением к молитве" (14). Общался Гучков и с кузнецом гарнизонного батальона старообрядцем Леонтьевым. Эти встречи не прошли незамеченными для властей, и губернатор в личном разговоре со ссыльным "приказал раскольникам прекратить их знакомство" (15), угрожая арестом. Но ни угрозы, ни тяжесть существования не поколебали веры Фёдора Алексеевича, оставшегося, по мнению Муравьева, "непреклонным в прежних заблуждениях" (16). Тогда же, с целью склонения местных старообрядцев "по крайней мере, присоединиться к единоверию", в Петрозаводске, как и в губернии в целом, велено властям распространить 5 экземпляров "Сочинения об описании освящения Рогожской церкви в Москве", состоявшемся вслед за освящением по канонам единоверия и церкви так дорогого сердцу Гучкова Преображенского кладбища. Но распространение "Описания" шло крайне вяло, старообрядцы ссылались на "незнание грамоте", да и сам петрозаводский полицмейстер не торопился с отчётом: "никакого особенного влияния на умы их сочинение не произвело, и расположения в них к обращению в православие по настоящее время не видно" (17).

Не переставали хлопотать об отце сыновья, Иван и Ефим. Их стараниями в начале 1855 г., с 25 по 28 января к отцу приезжал Иван, а летом — внуки Иван и Николай (дети Ефима). Вместо Амосова к Гучкову "в услужение" приезжает Ф.Васильев, но к осени 1855 г. здоровье ссыльного старца начинает ухудшаться. В письмах сыновьям он сетует на головные боли, почти полную слепоту, и тогда дети усиливают хлопоты об улучшении участи отца, их обращения и к Муравьеву, и к Бибикову становятся все

более настойчивыми. Чиновников же МВД в это время беспокоит не слабеющий Гучков, а его имущественное наследие Преображенского кладбища. При передаче Московского Преображенского Богадельного дома в ведение Совета Императорского Человеколюбивого общества, встал вопрос о воскобеленном заводе". Чтобы осуществить его законную "передачу" новому владельцу, необходима была доверенность от его юридического владельца — Гучкова. Добыть этот документ от Гучкова поручалось чиновнику по особым поручениям при Олонецком губернаторе — Смирнову, что он и осуществил 5 апреля 1856 г. в присутствии полицеймейстера и депутата от купечества. Передав права владения на завод, старообрядец обращается к губернатору "со словесною просьбою об исходатайствовании ему дозволения возвратиться на родину, так как он при своих преклонных летах чувствует скорое приближение смерти, желая бы только умереть на родине, в кругу своей семьи" (18). Эту просьбу старика губернатор препроводил в МВД со словами: "Гучков уже едва ли может быть вреден для православия". Но вместо ответа столичные власти обязывают губернатора взять у Гучкова "надлежащий акт на передачу" в ведение того же Совета Императорского Человеколюбивого общества двухэтажный дом №271, "находящийся при въезде на Преображенское кладбище", числящийся за купцом Фёдором Гучковым (19). Фёдор Алексеевич снова передаёт права владения, не оставляя последних надежд на возвращение. Последний шанс к этому появился тогда, когда по случаю коронации императора Александра II "государь император всемилостивейше соизволил даровать 30 лицам из числа находящихся под надзором полиции некоторое облегчение или полное освобождение от надзора" (20). Из 194 лиц этого положения амнистия должна была затронуть 15,5%, а в Петрозаводске это 10 человек. Но власти посчитали возможным амнистировать воров и пьяниц, но не старообрядцев. Лишение последней возможности вернуться лишило Фёдора Алексеевича и последних физических сил. В ночь с 29 на 30 декабря его не стало, а тело старца предали земле на "прежде бывшем старообрядческом" Неглинском кладбище. В феврале 1857 г. сыновья добиваются разрешения "перевезти тело умершего отца их, раскольника Фёдора Гучкова из Петрозаводска в Москву для погребения на Преображенском кладбище" (21). С этой целью из Мос-

квы в Петрозаводск приехал московский мещанин Никифоров, а 28 февраля 1857 г. в 10 часов пополудни с молитвой "Святой Боже" останки Ф.А.Гучкова будут подняты из земли. В присутствии двух полицейских, протоиерея Рождественского в Москву, домой, в последний путь старообрядца будут провожать купец Фигурин и "другие собравшиеся по произволу лица" (22). Власти так и не смогли заставить Гучкова предать "веру отцов".

Ставший недоступным уже ни для какого земного надзора, он предстал пред судом Господним.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. НАРК. Ф.1. Оп.46. Д.20/492. Л.1.
2. Там же. Оп.1. Д.24/144. Л.1—5.
3. Там же. Оп.10. Д.14/1. Л.52—56.
4. Там же. Д.12-93. Л.1—49.
5. Там же. Оп.46. Д.20/492. Л.10.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же. Л.11.
9. Там же. Л.9об.
10. Там же.
11. Там же. Л.13об.
12. Там же. Л.14.
13. Там же. Оп.10. Д.14/1. Л.1—56.
14. Там же. Ф.25. Оп.8. Д.4/28. Л.73об.
15. Там же. Ф.1. Оп.46. Д.20/492. Л.19.
16. Там же. Л.20.
17. Там же. Д.20/487. Л.38об.
18. Там же. Д.20/492. Л.40.
19. Там же. Л.43.
20. Там же. Оп.10. Д.14/1. Л.124.
21. Там же. Оп.46. Д.20/492. Л.57.
22. Там же. Л.60—60об.